

АНАТОМИЯ ПОРОКА

Вера Тёмная

18+

Вера Тёмная

Анатомия порока

<https://litres.ru/74195738>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Анатомия порока» — темный эротический триллер о forbidden love на грани жизни и смерти.

Ева Лисицына — профайлер с тенью прошлого. Дочь серийного убийцы, она знает: мужчины — звери, а близость — оружие. Но когда в городе появляется маньяк по прозвищу Куратор, превращающий женщин в ожившие скульптуры, Ева соглашается стать приманкой.

Её напарник — Давид, гениальный судмедэксперт, который называет тела «материалом», а прикосновения считает слабостью. Он должен подготовить Еву к охоте. Но каждый урок превращается в опасную игру соблазнения, где власть, страх и желание сплетаются в гремучую смесь.

Куратор выходит на связь. Он хочет Еву. Он называет её своим шедевром. И когда Ева узнает, что Давид и Куратор связаны общей тайной, ей придется выбирать между тьмой, которая манит, и любовью, которая пугает больше смерти.

Идеально для фанатов «50 оттенков» и dark romance — жарко, мрачно, на грани.

Содержание

Глава 1. Симфония для скальпеля	4
Глава 2. Дочь монстра	18
Глава 3. Правила охоты	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анатомия порока

Глава 1. Симфония для скальпеля

Локация: Городской морг № 4, секционный зал № 2. Вре-
мя: 08:43.

Запах был первым, что встретило Еву, когда тяжелая гер-
метичная дверь отъехала в сторону.

Это был даже не запах — это был удар под дых. Формалин, свернувшаяся кровь, что-то сладковатое, напоминающее подгнившие лилии, и холод. Не просто температура — а особый, лабораторный холод, который, казалось, просачивался сквозь одежду и оседал инеем на костях. Ева прижала ладонь к носу, пытаясь подавить рвотный рефлекс, но это помогло слабо. Запах был везде. Он лип к волосам, к языку, к небу.

— Первый раз в святая святых, Лисицына?

Голос раздался откуда-то из глубины зала, из-за стеллажей с блестящими инструментами, похожими на орудия пыток из музея инквизиции. Ева сделала шаг вперед, и каблук

её туфли предательски цокнул по кафелю. Она тут же пожалела, что не надела балетки. Здесь этот звук казался кошунственным. Как смех на похоронах.

— Вы меня ждали? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал твердо. Получилось не очень.

Из-за стеллажа вышел мужчина.

Позже, вспоминая этот момент, Ева будет уверять себя, что её сердце ёкнуло от страха. Что это был выброс адреналина, естественная реакция на стресс, не более. Но врать себе она умела плохо. Её сердце ёкнуло, потому что мужчина был красив. Пугающе, неестественно красив — той красотой, которая не имеет ничего общего с модельной внешностью или глянцевыми обложками. Это была красота падающего с небоскреба тела. Красота за секунду до удара о землю.

Высокий рост. Черные волосы, забранные в низкий тугой хвост на затылке. Ни одной выбившейся пряди. Идеально белый халат, накрахмаленный до хруста, под которым угадывался черный свитер с высоким горлом — водолазка, обтягивающая широкие плечи и длинную сильную шею. Но запоминалось не это.

Запоминались глаза. Почти черные, глубоко посаженные,

с тяжелыми веками, которые придавали лицу выражение вечной усталой скуки. Или презрения. Он смотрел на неё так, как, наверное, смотрел на свои инструменты — оценивающе, холодно, прикидывая, на что она годна. Никакого интереса. Только профессиональный, анатомический взгляд, который, казалось, просвечивал её насквозь — сквозь одежду, сквозь кожу, прямо к костям.

— Ждал? — он чуть склонил голову набок, и в этом движении было что-то птичье, хищное. — Скорее, меня предупредили, что пришлют психолога. Я надеялся хотя бы на дипломированного специалиста, а не на стажера, который ещё путает гастрокнемиус с камбаловидной.

Ева почувствовала, как кровь приливает к щекам. Она знала латынь. Гастрокнемиус — икроножная мышца. Он проверял её. Унижал на пороге, даже не поздоровавшись.

— Я не путаю, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — И я не просто психолог. Я профайлер. Моя специализация — криминальная психология и поведенческий анализ серийных преступников. Меня направили, чтобы помочь вам составить портрет Куратора. Моя фамилия...

— Лисицына Ева Сергеевна, — перебил он, теряя к ней интерес прежде, чем она успела закончить фразу. — Два-

дцать четыре года. Выпускница МГУ, красный диплом. Тема диплома: «Психологический портрет серийного убийцы на примере анализа почерка Геннадия Лисицына».

Он замолчал. Повисла пауза, тяжелая, как бетонная плита. Ева почувствовала, как внутри что-то оборвалось и ухнуло вниз. Вот, значит, как. Он знал. Конечно, он знал — судмедэксперт, работающий с делом Куратора, наверняка изучил личные дела всех, кто входит в следственную группу. Но она надеялась, что это останется на бумаге. Что её не ткнут носом в фамилию отца при первой же встрече.

— Это имеет значение? — спросила она глухо. — Моя фамилия?

— Для меня — нет, — он пожал плечами и повернулся к ней спиной, направляясь в глубину зала. — Мне всё равно, чья вы дочь. Мне важно, чтобы вы не блевали на мой пол. Идёмте. У нас сегодня богатый улов.

Ева заставила себя сдвинуться с места. Ноги были ватными, но она пошла следом, стараясь не смотреть по сторонам. Полки, уставленные банками с образцами. Стеклянные шкафы с хирургическими инструментами — скальпели, пилы, зажимы, разложенные в идеальном, почти маниакальном порядке. И запах. Запах становился всё гуще, всё тяжелее,

словно они спускались в преисподнюю.

Они остановились перед стальным столом. Их было три в этом зале — три блестящих, идеально чистых постаментов с желобами для оттока жидкостей и лампами дневного света, свисающими с потолка на длинных шарнирных креплениях. Два стола пустовали. На третьем лежало тело, накрытое белой простыней.

— Дело номер сорок семь дробь три, — произнес мужчина, и его голос неуволимо изменился. В нем появилась странная, почти чувственная интонация. Так говорят о дорогом вине или редком произведении искусства. — Женщина, возраст примерно двадцать два — двадцать пять лет. Обнаружена сегодня ночью в заброшенной арт-галерее на Кожевенной линии. Поза — «Смерть Клеопатры» работы Гвидо Рени. Вульгарно, на мой взгляд, но наш убийца, очевидно, не отличается тонким вкусом.

Он взялся за край простыни и одним отточенным движением откинул её. Ева заставила себя не отвести взгляд.

Девушка была прекрасна. Это было первое, что пришло в голову — чудовищное, неуместное, но неоспоримое. Блондинка с длинными волосами, рассыпанными по стальному изголовью, как золотая волна. Тонкие черты лица, застыв-

шие в выражении невероятного, экстатического покоя. Глаза закрыты. Губы чуть приоткрыты, словно в последнем вздохе наслаждения. Голова запрокинута назад, подбородок вздернут, шея вытянута в беззащитной, уязвимой дуге. Одна рука безвольно свисала со стола, пальцы чуть поджаты, словно она только что выпустила из них невидимый предмет. Другая лежала на животе, придерживая складки платья — белого, легкого, похожего на античную тунику.

— Красиво, — прошептала Ева, и тут же возненавидела себя за это слово.

— Красиво? — мужчина хмыкнул, не оборачиваясь. Он уже натягивал перчатки — черные, латексные, с влажным хлопком облегающие длинные пальцы. — Поза вульгарна. Платье — дешевый ширпотреб, имитация греческого хитона. Угол наклона головы нарушает естественную линию позвоночника. Посмотрите сюда.

Он указал на шею жертвы. Ева сделала шаг ближе, преодолевая сопротивление собственного тела. На коже, чуть ниже левого уха, виднелись две небольшие ранки. Аккуратные, почти ювелирные, словно от укуса змеи. Но змеи не оставляют таких ровных, геометрически точных отверстий.

— След от инъекции? — спросила она, чувствуя, как пе-

ресыхает во рту.

— Две инъекции, — поправил он. — Первая — мощный миорелаксант. Девочка даже не дернулась, когда он её раздевал. Вторая — антикоагулянт. Вещество, разжижающее кровь. Именно поэтому на платье ни единого пятнышка. Он слил её, Ева. Медленно, методично, через катетер в бедренной артерии. Как на донорской станции, только без возврата.

Он говорил об этом буднично, почти скучающе, но Ева заметила, как его пальцы, затянутые в черный латекс, чуть подрагивают. Не от волнения. От предвкушения. Этот человек любил свою работу. Любил так, как другие любят запретные удовольствия.

— Вскрытие покажет больше, — продолжил он, беря в руки скальпель. Лезвие блеснуло в свете лампы, как рыба чешуя. — Но уже сейчас я могу сказать, что смерть наступила не от потери крови. Её объем в теле слишком мал для летального исхода. Сердце просто остановилось. Острая сердечная недостаточность на фоне гиповолемического шока. Проще говоря...

— Она умерла от страха, — закончила Ева, глядя в лицо мертвой девушки.

Мужчина замер. Скальпель завис в воздухе в нескольких сантиметрах от груди жертвы. Он медленно повернул голову и посмотрел на Еву. Впервые за всё время их знакомства в его черных глазах мелькнуло что-то, отдаленно напоминающее интерес.

— От страха и наслаждения, — поправил он тихо. — Смотрите на лицо. Видите? Мимические мышцы расслаблены. Уголки губ приподняты. Зрачки — нам покажет вскрытие, но готов спорить — были расширены в момент смерти. Она не просто боялась его. Она его хотела. До самого конца.

Он наклонился над телом, и его голос упал до шепота:

— Наш Куратор — не насильник в общепринятом смысле. Он не берет силой. Он соблазняет. Он заставляет их хотеть собственной смерти. Превращает агонию в экстаз. Это и есть его подпись. Его искусство.

Ева смотрела на лицо девушки, и где-то в самой глубине её живота, там, где по всем законам биологии должен был жить только страх, зарождалось что-то иное. Что-то темное, липкое и постыдное. Что-то, о чем она никому никогда не расскажет. Даже самой себе.

— Приступим, — голос судмедэксперта разрушил морок.

Скальпель коснулся кожи. Движение было точным, выверенным, почти ласковым. Лезвие рассекло эпидермис, дерму, подкожно-жировую клетчатку — и грудь жертвы раскрылась, как страницы книги. Крови не было. Только бледные, почти белые ткани, напоминающие мрамор.

— Зажим, — скомандовал он, не оборачиваясь.

Ева не пошевелилась. Она стояла, парализованная, глядя на то, как его руки — сильные, уверенные, в черном латексе — проникают внутрь человеческого тела. Как он раздвигает ребра расширителем с влажным, чавкающим хрустом. Как обнажается сердце — маленькое, съежившееся, похожее на увядший бутон розы.

— Я сказал, зажим! — в его голосе лязгнула сталь. — Ли-сицына, очнитесь! Вы ассистируете или будете изображать статую?

Ева моргнула. Мир качнулся и встал на место. Она не знала, где лежат зажимы. Она вообще не знала, зачем она здесь. Но её рука сама потянулась к лотку с инструментами, схватила первый попавшийся блестящий предмет и протянула ему. Это оказался скальпель.

Он посмотрел на её руку. На дрожащие пальцы, сжимающие рукоятку. На побелевшие костяшки. Затем перевел взгляд на её лицо. Уголок его губ дернулся — не в улыбке, а в чем-то, отдаленно напоминающем одобрение.

— Скальпель мне не нужен, — сказал он, но взял его из её руки. Их пальцы соприкоснулись на долю секунды. Его — холодные, в скользком латексе. Её — горячие, влажные от пота. — Но хватка правильная. Может, из вас и выйдет толк.

Он повернулся обратно к телу и продолжил работу. Ева стояла рядом, не в силах отвести взгляд. От его рук, скользящих внутри грудной клетки. От его голоса, комментирующего каждое действие, как диктор комментирует футбольный матч. От того, как ритмично и уверенно он работал, словно не извлекал человеческие органы, а перебирал струны какого-то жуткого музыкального инструмента.

И в этом жутком, тошнотворном, противоестественном зрелище было что-то гипнотическое. Что-то, что заставляло её сердце биться быстрее. И она не могла понять, что именно — страх, отвращение или то самое темное, запретное любопытство, которое, по словам её отца, живет в каждом человеке. Просто не каждый готов в этом признаться.

Прошло, наверное, минут сорок. Или час. Или целая веч-

ность. Время в прозекторской текло иначе — густое, вязкое, пропитанное запахом смерти. Когда судмедэксперт наконец выпрямился и стянул перчатки, Ева почувствовала, что её ноги затекли, а спина онемела от напряжения.

— Предварительное заключение, — сказал он, бросая перчатки в утилизатор. — Смерть от острой сердечной недостаточности. Следов сексуального насилия нет. Следов борьбы нет. Жертва была знакома с убийцей, доверяла ему и, скорее всего, добровольно приняла инъекцию. Возможно, под видом наркотика или афродизиака. Психологический портрет писать вам. Моё дело — мясо.

— Мясо? — эхом повторила Ева. Её голос звучал чужим, далеким.

— А как вы это называете? — он кивнул на тело, которое теперь было аккуратно зашито грубым хирургическим швом, пересекающим грудь от горла до лобка. — Сосуды, ткани, кости. Материал. После смерти человек перестает быть человеком, Лисицына. Он становится объектом. Экспонатом. Иллюстрацией к учебнику анатомии. Чем быстрее вы это поймете, тем легче вам будет работать.

Он подошел к раковине и начал мыть руки — долго, тщательно, по локоть, словно готовился к новой операции. Ева

смотрела на его спину, обтянутую черной водолазкой, на то, как двигаются мышцы под тканью, когда он намыливает предплечья. Впервые она заметила, что его правое плечо чуть выше левого. И что под водолазкой, на шее, у самого края воротника, виднеется край шрама — белесого, старого, уходящего куда-то вниз, под ткань.

— У вас шрам, — сказала она раньше, чем подумала.

Его руки замерли. Вода продолжала бежать, разбиваясь о нержавеющую сталь раковины. Прошла секунда, другая. Он закрыл кран и медленно, очень медленно повернулся.

— У меня много шрамов, — сказал он тихо. Голос стал другим — не циничным и скучающим, а глухим, как запертая дверь. — Но их анатомия вас не касается. Ваше дело — Куратор. Займитесь им.

Он прошел мимо неё, даже не взглянув, и остановился у двери.

— Завтра в восемь утра. Не опаздывайте. И наденьте что-нибудь попроще. От ваших духов у меня начинается мигрень.

Дверь закрылась. Ева осталась одна в прозекторской, на-

едине с мертвой девушкой и эхом его последних слов. Она стояла неподвижно, глядя на зашитое тело, на стальной стол, на лотки с инструментами, разложенными в идеальном порядке.

Запах формалина всё ещё висел в воздухе, но теперь к нему примешалось что-то ещё. Что-то неуловимое, едва заметное. Сандал и табак. Его запах. Она запомнила его, даже не осознавая этого.

Ева сжала кулаки. Ногти впились в ладони. Она пришла сюда, чтобы доказать всем, что она — не просто дочь своего отца. Что она — профессионал. Что она может смотреть в бездну и не моргать.

Но бездна смотрела на неё в ответ глазами человека, который называл человеческое тело «мясом». И что-то в этом взгляде заставляло её сердце биться чаще. Что-то, чего она не хотела признавать.

Она развернулась и вышла из зала. Её шаги эхом отдавались в пустом коридоре. Где-то там, за стенами морга, текла обычная жизнь — машины, люди, солнце, поднимающееся над городом. Но здесь, внутри, время остановилось. И вместе с ним остановилось что-то в ней самой.

Что-то, что уже начало меняться.

Глава 2. Дочь монстра

Локация: Исправительная колония особого режима «Полярная сова», Архангельская область. Время: тремя годами ранее.

Автобус трясся на ухабах уже четвертый час. За окном проплывал бесконечный, унылый пейзаж — сосны, снег, серое небо, снова сосны. Ева прижималась лбом к холодному стеклу, пытаясь унять тошноту, которая подкатывала к горлу при каждой мысли о том, куда она едет. И к кому.

Других пассажиров было немного. Женщина в платке, прижимающая к груди потрепанную сумку. Пожилой мужчина с обветренным лицом, спящий с открытым ртом. Пара солдат-срочников, возвращающихся из увольнения. Никто из них не знал, что миловидная девушка с бледным лицом и старомодной челкой — дочь одного из самых известных серийных убийц в истории современной России. И никто не догадывался, что она везет с собой в сумке не передачу с продуктами, а диктофон и список вопросов для дипломной работы.

«Психологический портрет серийного убийцы на примере

анализа почерка Геннадия Лисицына».

Куратор кафедры назвал эту тему «этически сомнительной». Декан — «провокационной». Научный руководитель — «самоубийственной». Но Ева настояла. Она должна была понять. Должна была заглянуть в бездну, которая её породила, и выяснить, есть ли в ней самой этот ген — ген чудовища.

Автобус затормозил у КПП. Колючая проволока. Вышки с часовыми. Собаки, лающие где-то в вольерах. Ева вышла на морозный воздух, и он обжег легкие, как наждачная бумага. Она поправила шапку и направилась к воротам. Обратной дороги не было.

Настоящее время. Городской морг № 4. Время: 18:42.

— Лисицына, вы ещё здесь?

Голос Давида вырвал её из воспоминаний. Она вздрогнула и подняла голову от бумаг. После утреннего вскрытия она просидела в отведенном ей кабинете — крошечной камерке без окон, заставленной шкафами с архивными делами — несколько часов. Перед ней лежали фотографии жертв Куратора. Она пыталась составить таблицу, выявить закономерности, но мысли постоянно соскальзывали в прошлое. В тот день, когда она в последний раз видела отца.

Давид стоял в дверях. Без халата, в одном черном свитере и темных джинсах. С удивлением Ева отметила, что он переоделся. Или собирался домой. Или вообще не жил дома, а ночевал здесь, в своем кабинете, как цербер, охраняющий царство мертвых.

— Я работаю, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вы же сами сказали — заняться Куратором.

— Я сказал заняться им завтра. Сегодня вы были нужны мне только на вскрытии, — он скрестил руки на груди. — Впрочем, раз вы здесь... Есть разговор.

Он прошел в каморку и сел на стул напротив неё. Слишком близко. Его колени едва не касались её коленей. Ева инстинктивно отодвинулась, но упираться было некуда — каморка была размером с тюремную камеру.

— Я изучил ваше личное дело, — начал он без предисловий. — Полностью. Не только диплом и рекомендации. Я поднял материалы дела вашего отца.

Ева почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Второй раз за день. Сначала утром, когда он упомянул фамилию. Теперь — когда решил копнуть глубже. Она сжала кулаки под

столом так, что ногти впились в ладони.

— Это было три года назад, — сказала она тихо. — Я была на втором курсе. Моя дипломная работа...

— Я знаю, о чем ваша дипломная работа, — перебил он. — Меня интересует другое. Ваш отец, Геннадий Лисицын, «Хирург», восемь доказанных эпизодов, сорок два года. Он убивал женщин, Ева. Он выбирал их, втирался в доверие, а потом...

— Я знаю, что он делал, — её голос стал жестким. — Я читала материалы дела. Я была на суде. Я сидела в первом ряду и смотрела, как его приговаривают к пожизненному. Вы думаете, мне нужно напоминать?

Давид замолчал. Его черные глаза изучали её лицо с тем же анатомическим интересом, с каким он утром изучал тело жертвы. Слой за слоем. Мышца за мышцей. Добираясь до сути.

— Я думаю, — сказал он наконец, — что вы пришли в этот морг не просто так. Вы выбрали Куратора не случайно. Его почерк... он напоминает почерк вашего отца, не так ли?

Это был удар ниже пояса. Точный, выверенный, хирургич-

ческий. Ева побледнела. Перед глазами поплыли круги. Она схватилась за край стола, пытаясь удержать реальность, которая вдруг стала зыбкой, как болотная топь.

— Мой отец убивал ради власти, — прошептала она. — Он хотел контролировать. Он получал удовольствие от их унижения. От их боли. Куратор... он другой. Он не пытается. Он соблазняет. Он превращает смерть в...

— В искусство, — закончил Давид. — Именно. Ваш отец был садистом. Куратор — эстет. Но есть кое-что общее. Вы заметили?

Он вытащил из папки две фотографии. Первая — жертва Куратора, та самая блондинка со вскрытия. Вторая — снимок из старого дела. Девушка с такими же светлыми волосами, с такими же тонкими чертами лица, в такой же позе — голова запрокинута, губы приоткрыты. Только на шее не две аккуратные ранки, а следы пальцев. Грубые, багровые, уродливые.

— Типаж, — сказал Давид. — Ваш отец выбирал блондинок определенного типа. Хрупких, миловидных, с тонкой шеей. Куратор выбирает таких же. Это не совпадение.

Ева смотрела на фотографии, и её мозг лихорадочно ра-

ботал. Он был прав. Она сама заметила это сходство, когда впервые увидела снимки жертв Куратора. Но отогнала эту мысль, спрятала глубоко в подсознание, потому что признать её означало признать и кое-что другое. Кое-что, о чем она не хотела думать.

— Почему? — спросила она хрипло. — Почему вы мне это показываете?

— Потому что вы — ключ, Лисицына, — Давид наклонился вперед, и его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от её лица. Она снова почувствовала этот запах — сандал и табак, и что-то ещё, медицинское, стерильное. — Вы знаете мышление таких людей не из учебников. Вы выросли с одним из них. Вы дышали этим воздухом. Вы понимаете их на уровне инстинктов.

— Я не мой отец, — её голос дрогнул.

— Я знаю, — неожиданно мягко сказал он. — Вы — его противоположность. Вы — жертва, которая выжила. И именно поэтому вы можете понять Куратора лучше, чем любой другой профайлер. Он не видит в вас угрозы. Он видит в вас... идеальный типаж.

Ева замерла. Смысл его слов доходил до неё медленно, как

холодная вода, просачивающаяся сквозь одежду.

— Вы хотите использовать меня как приманку, — прошептала она.

— Я хочу использовать вас, чтобы его поймать, — поправил Давид. — Это разные вещи.

— Для меня — нет.

Она резко встала. Стул отлетел назад и ударился о шкаф. Ева тяжело дышала, глядя на него сверху вниз. Он остался сидеть — спокойный, невозмутимый, как удав, гипнотизирующий кролика.

— Вы сумасшедший, — сказала она. — Вы понимаете, что предлагаете мне? Живец? Наживку? Вы хотите, чтобы я...

— Я хочу, чтобы вы помогли мне остановить его, пока он не убил ещё одну, — сказал Давид. — Пока он не нашел новую блондинку с тонкой шеей и не превратил её в очередной экспонат. Вы же видели её сегодня. Ту девушку на столе. Ей было двадцать три года, Ева. У неё была мать. Был парень, который ждал её дома. Были планы на выходные. Теперь она — «Дело номер сорок семь дробь три».

Он встал. Теперь они стояли лицом к лицу в тесной камерке, и Ева снова чувствовала этот холод, исходящий от него. И одновременно — странное, парадоксальное тепло, которое разливалось где-то внизу живота всякий раз, когда он оказывался слишком близко.

— Подумайте, — сказал он тихо. — У вас есть сутки. Завтра я жду ваш ответ.

Он развернулся и вышел, оставив её одну. В камерке повисла тишина, нарушаемая только её собственным дыханием — частым, рваным, как после долгого бега. Ева опустилась обратно на стул и закрыла лицо руками.

Перед глазами снова всплыло воспоминание. То самое. День, когда она в последний раз видела отца.

Тремя годами ранее. Исправительная колония «Полярная сова». Комната для свиданий.

Их разделяло стекло. Толстое, пуленепробиваемое, с маленькими отверстиями для голоса. Отец сидел по ту сторону — постаревший, осунувшийся, в серой тюремной робе. Но глаза остались прежними. Светло-голубые, почти прозрачные, с тем самым хищным прищуром, который Ева помнила

с детства.

— Ты выросла, — сказал он вместо приветствия. Его голос, искаженный динамиком, звучал металлически, но она узнала эти интонации. Мягкие, обволакивающие, усыпляющие бдительность. Так он разговаривал со своими жертвами. Ева знала это из материалов дела.

— Ты не изменился, — ответила она.

Он улыбнулся. У него была красивая улыбка — открытая, обаятельная, совершенно не вязавшаяся с тем, что он делал. Ева ненавидела эту улыбку.

— Я слышал, ты пишешь диплом, — сказал он. — Обо мне.

— О таких, как ты. Не льсти себе.

— Таких, как я, больше нет, Ева, — он наклонился ближе к стеклу. — Есть подражатели. Есть жалкие имитаторы. Но твой отец — единственный в своем роде. Ты это знаешь. Поэтому ты здесь. Ты хочешь понять.

— Я хочу понять, почему, — сказала она, и её голос предательски дрогнул. — Почему ты это делал? Что ты чувство-

вал, когда... когда забирал их жизни?

Он откинулся на спинку стула и долго смотрел на неё. В его глазах читалось что-то похожее на гордость.

— Ты уверена, что хочешь это знать? — спросил он тихо.

— Да.

— Тогда слушай внимательно, дочка. Я расскажу тебе то, чего нет в материалах дела. То, что я никогда не говорил следователям. То, что знаю только я.

Он сделал паузу. Ева затаила дыхание, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Это не было ненавистью, — сказал он. — И это не было похотью в том смысле, в каком это понимают обычные люди. Это было... голодом. Непреодолимым, сводящим с ума желанием слиться с ними, стать ими, проникнуть внутрь — не только в тело, но и в душу. Я хотел знать, что они чувствуют, когда умирают. Хотел увидеть этот момент — момент перехода, когда жизнь гаснет, как свеча, и в глазах появляется пустота.

Он говорил спокойно, почти мечтательно, словно вспоми-

нал давно забытое любовное приключение.

— Я думал, что, делая это, я стану ближе к Богу, — продолжил он. — Глупо, правда? Но в этом была своя логика. Только Творец имеет право забирать жизнь. Если я делаю то же самое — значит, я становлюсь равным Ему. Я тоже творю. Только мои творения — мертвы.

— Ты чудовище, — прошептала Ева.

— Да, — согласился он. — Я чудовище. Но, знаешь, что самое забавное? Ты — моя плоть и кровь. Ты родилась от меня. Ты выросла в моем доме, слушала мои колыбельные, держалась за мою руку, когда училась ходить. И где-то там, — он постучал пальцем по стеклу, — глубоко внутри тебя, живет та же тьма. Тот же голод. Просто ты ещё не научилась его слушать.

Ева вскочила со стула. Диктофон, лежащий на коленях, упал на пол и покатился по бетонному покрытию.

— Ты ошибаешься, — сказала она, чувствуя, как слезы жгут глаза. — Я не такая, как ты. Я никогда не буду такой.

— Конечно, нет, — он улыбнулся своей обаятельной, чудовищной улыбкой. — Ты будешь хуже. Потому что у тебя

есть то, чего не было у меня. У тебя есть мать. Её гены. Её совесть. И эта внутренняя война, Ева, война между тьмой и светом, сделает тебя либо святой, либо самым страшным монстром из всех, кого знал этот мир.

Он наклонился к стеклу в последний раз. Его голос упал до шепота:

— И ещё одно, дочка. Никогда не пускай их в свое тело. Мужчин. Они — звери. Все до единого. Стоит тебе открыться, стоит тебе довериться — и они разорвут тебя на части. Изнутри. Так, как я разрывал своих девочек. Единственный способ выжить — оставаться закрытой. Оставаться чистой. Девственность — это не подарок. Это оружие. И твоя единственная защита.

Ева развернулась и выбежала из комнаты для свиданий. За спиной раздался его смех — тихий, довольный, словно он только что выиграл партию в шахматы.

Она не оборачивалась. Она бежала по коридору, мимо охранников, мимо других посетителей, бежала до тех пор, пока не выскочила на улицу, на морозный воздух, который обжигал легкие. Там она упала на колени в снег и её вырвало.

Диплом она написала. Защитила с отличием. Но слова от-

да остались с ней. Засели где-то глубоко, как осколок, который нельзя извлечь, не повредив жизненно важные органы. И с тех пор каждый раз, когда мужчина подходил слишком близко, она слышала его голос: «Не пускай их в свое тело. Они — звери».

Настоящее время. Съёмная квартира Евы. Ночь.

Она лежала в постели, глядя в потолок. Сна не было ни в одном глазу. В ушах всё ещё звучал голос Давида: «Вы — ключ. Вы — идеальный типаж. Вы будете приманкой».

И поверх этого — голос отца: «Никогда не пускай их в свое тело».

Два голоса. Два мужчины. Оба — опасные. Оба — знающие о ней что-то, чего она сама о себе не знала.

Ева перевернулась на бок и уткнулась лицом в подушку. Завтра она должна дать ответ. Согласиться стать живцом или уйти из следственной группы, вернуться в университет, забыть о Кураторе, о морге, о Давиде с его черными глазами и руками хирурга.

Но она знала, что не уйдет. Не потому, что хотела кому-то что-то доказать. И не потому, что её мучила совесть из-за

погибших девушек.

А потому, что впервые в жизни она встретила мужчину, который не боялся её тьмы. Который видел её насквозь — и не отшатывался. Который сам был пропитан тьмой до костей.

И это пугало её больше, чем перспектива стать следующей жертвой Куратора.

Глава 3. Правила охоты

Локация: Квартира Давида. Адрес неизвестен. Время: 19:00 следующего дня.

Она ожидала чего угодно. Бардака, типичного для холостяцкого жилья. Или, наоборот, больничной стерильности — белых стен, стальных поверхностей, запаха хлорки. Но квартира Давида не была похожа ни на то, ни на другое.

Это было пустое пространство. Огромное, с панорамными окнами во всю стену, за которыми горел огнями вечерний город. Пол — черный камень, отполированный до зеркального блеска, в котором отражался свет редких ламп. Мебели почти не было. Только низкий кожаный диван у стены, стеклянный журнальный столик с одинокой пепельницей и стеллаж с книгами — старыми, в кожаных переплетах с золотым тиснением. Анатомические атласы, подумала Ева. Или что-то похуже.

Запах здесь был тот же, что и в морге. Сандал, табак и что-то медицинское, но теперь к нему примешивался ещё один — алкоголь. Хороший виски, судя по пустому стакану, стоящему на подоконнике.

— Проходите, — сказал Давид, закрывая за ней дверь. — Не разувайтесь. Пол холодный.

Он был без халата. Черная водолазка, черные джинсы, босые ступни на черном камне. Без своих обычных перчаток он выглядел... опаснее. Человечнее. И от этого ещё более пугающим. Ева заметила, что он держит левую руку чуть неестественно, словно оберегая запястье.

— Я приняла решение, — сказала она, останавливаясь посреди гостиной. Её голос звучал громче, чем она рассчитывала, эхом отражаясь от пустых стен. — Я согласна участвовать в операции.

Давид не обернулся. Он прошел к стеллажу, взял с полки бутылку виски и плеснул в чистый стакан.

— Я знал, что вы согласитесь, — сказал он спокойно. — Вы не из тех, кто убегает.

— Откуда вам знать, из каких я?

Он повернулся. В полумраке его черные глаза казались двумя бездонными колодцами. Он не улыбался, но в уголках его губ таилось что-то, отдаленно напоминающее удовлетво-

рение.

— Потому что вы здесь, Ева. В моей квартире. Вечером. Одна. Женщина, которая боится мужчин, не пришла бы.

Она вздрогнула. Он снова попал в точку — как скальпелем. Откуда он знал о её страхе? Читал в личном деле? Или просто видел — тем самым анатомическим зрением, которое проникало под кожу?

— Я не боюсь мужчин, — солгала она.

— Бойтесь. И это правильно. Я бы на вашем месте боялся тоже. Но ваш страх — неправильный. Он исходит не из разума, а из травмы. Это делает вас уязвимой. А приманка не должна быть уязвимой. Приманка должна быть... соблазнительной.

Он сделал глоток виски и поставил стакан на столик. Затем медленно, очень медленно направился к ней. Ева заставила себя стоять на месте, хотя всё внутри кричало: «Беги». Он остановился в шаге от неё, и она снова ощутила этот контраст — холод, исходящий от него, и жар, разливающийся по её собственному телу.

— Прежде чем мы начнем операцию, — сказал он, — я

должен вас подготовить.

— Подготовить? К чему?

— Ко всему. Вы должны научиться носить не только свою одежду, но и чужую кожу. Кожу женщины, которую захочет Куратор. А для этого, — он обвел её фигуру взглядом, — нам придется поработать над вами.

Ева скрестила руки на груди — инстинктивный защитный жест. Давид заметил его. И улыбнулся уголком губ.

— Вы напряжены, — сказал он. — У вас плечи подняты почти до ушей. Вы сутулитесь, словно пытаетесь спрятаться внутри собственного тела. Вы носите мешковатую одежду, которая скрывает всё, что в вас есть женственного. Это — броня, Ева. Броня, которую вы надели, чтобы мужчины не смотрели на вас так, как смотрел ваш отец на своих жертв. Но проблема в том, что Куратора такая броня не остановит. Он видит сквозь неё. Он чувствует страх. И страх его возбуждает.

Он обошел её по кругу, как хищник обходит добычу. Ева стояла неподвижно, чувствуя его взгляд на своем затылке, на спине, на ягодицах. Это было унижительно. И в то же время — странно волнующе.

— Разденьтесь, — сказал он.

— Что?

— Разденьтесь. Я должен увидеть материал, с которым мне предстоит работать.

— Вы с ума сошли? — она резко повернулась к нему лицом. Её щеки пылали. — Я не буду раздеваться перед вами.

— Тогда операция отменяется, — он пожал плечами и отошел к окну. — Если вы не можете раздеться передо мной, как вы собираетесь играть роль соблазнительницы перед Куратором? Он будет трогать вас, Ева. Он будет целовать вас. Возможно, он захочет большего. Если одна только мысль о том, чтобы снять одежду в присутствии мужчины, вызывает у вас панику, вы не готовы. Идите домой. Я найду другую приманку.

Ева стояла, сжимая кулаки. Он манипулировал ею. Она это понимала. Он давил на её гордость, на её страх, на её желание доказать, что она не жертва. И это работало. Черт возьми, это работало.

— Хорошо, — сказала она сквозь зубы. — Но вы отвернетесь.

— Нет, — он обернулся, и его глаза блеснули в полумраке.
— Я не отвернусь. Я должен видеть. Это не имеет ничего общего с похотью, Ева. Это работа. Смотрите на это как на медицинский осмотр. Если вам так будет легче.

— Мне не будет легче.

— Я знаю. Но вы всё равно это сделаете.

И она сделала. Дрожащими пальцами расстегнула пуговицы блузки — серой, бесформенной, которую носила ещё со студенческих времен. Ткань соскользнула с плеч и упала на черный пол. Затем — джинсы. Она стягивала их медленно, как во сне, чувствуя, как горит лицо. Осталась в простом белом белье — лифчик без кружев, трусики-слипы. Максимально целомудренно. Максимально беззащитно.

Она стояла посреди пустой комнаты, освещенная огнями города, и чувствовала себя абсолютно голой. Абсолютно открытой. Абсолютно беспомощной.

Давид смотрел на неё. Молча. Не двигаясь. Его лицо было непроницаемым, как маска. Но что-то в его глазах изменилось. Что-то темное, глубокое, спрятанное за профессиональным спокойствием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.